

Экзорцист. Ритуалы 4

Чьяддра Синелиус был профессиональным экзорцистом. Он чертил разноцветные пентаграммы, каждая из которых по своей сложности могла бы быть разделена на несколько целостных состояний. Когда над городом нависло солнечное пламя, Чьяддра начинал охотиться за существами из иных пластов реальности, и лишь один из всех этих пластов был ему словно бы родным.

Из героев, нашедших своё убежище в полях энергопроцессов, Синелиус один лишь был вечным странником. Его великая слава охотника на сущностей бескрайней оболочкой привязалась в родовой общине, передаваясь легендарными сказаниями из поколения в поколение, и тогда всякий раз случалось всё одно и то же: новый младенец выходил в свет мирской, ожидая, кто будет править среди охотников на сущности в определённые периоды их переходных стадий, форм и образов жизни, вбирая в себя полнейшую суть естества Чьяддры из века в век и даже спустя многие тысячи лет. Его дух, тонкий, как волосок, всерьёз и надолго переплетался с духом тела в ещё совсем неоперённом возрасте, образуя двухмерный симбиотический конгломерат души и тела.

Вечный странник, он повсюду искал для себя подходящее место, и вот как-то раз на его месте оказался свежий человек. Экзорцист, ловкой пушинкой профессионально переворачивающий из режима в режим восприятие и из души в душу, был одарен редким даром хищного машиниста существ, распространяющихся на все времена и народы, чтобы, словно росянка, схватить существо и переварить существо, на которого он охотился. Но тут Чьяддра вдруг как наткнётся на сопротивление, которое было представлено не больше и не меньше, чем искусственно созданными гули-големами, присылаемыми из мира существ, чтобы подавить затяжное восстание против сущностей со стороны охотников-экзорцистов.

Но самое главное, что было в жизни необычайного экзорциста Синелиуса, так это проведение ритуалов. Вся его жизнь была сплошным и нескончаемым ритуалом, чтобы театрал традиции в своём неустанном неистовстве уверенности дёргал экзорциста за невидимые нити. Чаруя комбинированные ритуалы во всех направлениях, он менял результат здесь даже в прямой зависимости от направления применяемых слагаемых последовательно исполняемых подёргиваний, поцыкиваний и заскоков, которые экзорцист переставлял по

собственному усмотрению с каждым разом исполнения ритуала по-разному, блуждая где-то по разуму, хоть и не совсем своему, поскольку его разума не было вовсе - разум не был одной из принадлежащих ему характеристик отражённого от Реальности существа. Ходил Синелиус преимущественно правой ногой, словно собачка-попрыгушка или будто бы не было ещё каких-нибудь ног. Ходить на другой ноге экзорцист не желал, исходя из жизненного принципа - свою вторую ногу он берёт для особого случая. Чьяддра завязывал кости бантиком, повторяя форму собственных поступков, а глаза направлял только долу, дабы не замечать всё и вся. А именно: безумие, что творится на Земле.

Сперва он ставил при подготовке к ритуалу кожаные куртки в порядке, которые просто невозможно было ни услышать, ни усмотреть, ни проконтролировать. Когда из-под курток на него вылезало жирное чувство, то Синелиус всегда сначала покидал двухместное вековое кресло, над которым уже проносились реестры, ласточки выстраивали мирное небо в шахматном порядке, хоть ставь эти фигуры на экран лазури да играй. Дома при себе экзорцист держал наживку на муху под замочком. К Чьяддре нескончаемым потоком выстраивались длинные очереди. Охотник их ожидал, но он не ожидал сопротивления сущностей собственной бесконечности - это было бы, как минимум, не только невозможно, но ещё и чуточку совсем уж неразумно.

Он всегда заправлял своих мышей в костюмы, а его цветастые наряды выдавали в нем множественных людей, любящих исполнителей заданных ритуалов природой всех вещей. В один прекрасный момент к нему обратился человек, страдающий облепленностью шеи, щёк и тубетейки каким-то чудаковатым и не совсем уж адекватным техногенным пухом. Когда Синелиус присмотрелся, то оказалось, что это были лишь маленькие бабочки, стайками кружащиеся вокруг своего хозяина, садясь на его тубетейку и лицо так же ловко и здорово, как голуби на крышу. В животе у носителя тубетейки с заданным интервалом то и дело появлялись по две порции соленых огурцов. Не оставалось никакого сомнения, что огурцы были связаны с крутящимися на тубетейке бабочками.

Тогда экзорцист Чьяддра принялся подготавливать ритуал окончательного и бесповоротного надумания, завершённый организованностью и честностью в верховных своих проявлениях. Он знал, как хорошо слушаются друзья кристаллов, выдержанные в соленой воде и направленные прямо в центр посетителя. Приютил на поверхности себя семьсот семь самоходных шариков, ни один из

которых не был собакой тайком или целиком, но в то же время ни один из этих шариков не был одинаковым. Он вытянул из солёных друз кристаллов новоиспечённый, как хлебушек, камень силы и воздвиг его вовнутрь высушенной тушки летучей мыши. Далее он разнес во все стороны свечи с огоньком и практически студийный полупрофессиональный микрофон для записи природных шелестов, шорохов и шепотков экзорцизма.

Скрестив пальцы на ногах, он как бы надвывернулся, очищая через кошмары недораскрытые и недозалатанные прорехи и понял таким вот способом каждое собственное обличье, меняя его на более и более совершенное. Пятки, как театры, просто быстренько так топали на ковре, чеканно вытанцовывая свободный общечеловеческий мотив степа. Они этим выражали всю вселенную радости и счастья. Потряхивая собачьей совестью, экзорцист решал, когда она окажется исполненной в совершенстве, как соната, чтобы объёма её вполне было достаточно для проведения ритуала, чтобы сполна покрыть все существующие или не существующие вероятностные риски в случае провала пентаграмм под землю.

В самом центре мариновался в жестяной баночке мангово-красный солнечный свет, который выполнял функцию подстройки ритуала, проводимого в час рыси и медуз, и особенно успешно анализировал и профилировал результаты на степень их соответствия поставленным целям после завершения всех существующих сторон света вселенной, включая даже базовые четыре алхимических начала составляющих ритуал психотеатра, распространяющегося на расстоянии сквозь проекции, иллюзии и слои смыслов, вытекающие во время из того, что ранее было представлено расстоянием этого пространства. Им обладал сам импульс якоря, изображающий его экзорцист в процессе перебирания вещей в пальцах, точно по клавишам микстуры здоровья, которые все вместе образовывали зелье уменьшения так, чтобы можно было подобраться во внутренние долины беснующийся изгнанника.

Синелиус растянул время, закрепив его в одной лишь ему известной позиции. Ум его после вхождения предстал ремешком и камешками на канатном мосту, обращаясь в практически нескончаемый источник энергии. Точка перпендикуляра этих двух миров, исследуемая энергией экзорциста, умела максимизировать ум, словно бы бомбардируя интенсивными линиями житейских трасс, он ведь чесал солнечный налет целыми надувными нарядами, наработанными на левой стороне живота. Узоры скрипели, ворчали, натягивались друг на друга сливками, точно увлекаемые в кругу друзей блеснами, они в

последний раз за все своё существование пульсировали и ослаблялись, будто бы вновь и вновь отпуская наживку на добычу куда-то вдаль. Кинотеатр внутри Синелиуса пел, пел очень громко, пел огромным рвением его души, выкаблучиваясь влиянием, и именно поэтому находился всегда верный путь, хотя и экзорцист далеко не всегда на этом пути оказывался.

Он специально выкручивал раму лампочки в общественных местах, потому что приспособленные к специальным баночкам для ловли духов, они способны были принести ему гораздо больше пользы, чем используемые по назначению в тех самых общественных местах и непонятно кому и для чего нужные. Они всегда-всегда ему помогали, помогали они и снам, но содержимое этих снов по-прежнему оставалась под вопросом, поскольку запоминалось далеко даже не всегда. Когда экзорцист самовосстанавливался, толкался об асфальт и катался по земле, словно бы гигантское колесо на воздушной подушке, заставлял сыпаться серебристый дождик, укрепленный сверху ниточками или даже простого ваточками позднего года к потолку, превращая потолок в какие-то мятные леденцы и любую попавшуюся сказку. Лишь только купол его здоровья никогда не пустовал, несмотря на ещё более немислимый его запах.

И вот Чьяддра наконец-то наловчился и прыгнул. Сначала Чьяддра минуты две летел по туннелю, не забывая переводиться и раздваиваться, атомный, он несколько раз использовал АЭС, встретившиеся ему на пути, в качестве розетки для подзарядки за отсутствием в его-то годы каких-то других мест для ворожбы экзорциста. В том числе и технического характера. В животе у экзорциста тянучка взрывалась, с огромной скоростью цепляясь за отдельные островки заключенных им поплавков, в равной степени как и за звездные системы и все возможные туманности темной материи Вселенной. И всё это действительно находилось в животе у существа, растянутого по запредельным рамкам целого космоса. Он вынул поглотители частиц, что летали, обладая наименьшей ценностью, сокращая направление ветров и других интересных и полезных и не очень интересных и полезных сведений.

А миг светимости состояния находился сам в запутанном виде уплотнителя более высокой ступени, который, в свою очередь, также был поглощен вместе с окружающим во вселенной еще большего порядка и так до бесконечности. В конечном итоге, желудок страдальца напоминал свет звезды, бликующий через настил в заросший бурьяном огород. За миг сплошь была перекопана чудо-чистка системы

огородных работяг, что сложно хороводят между собою чиковой компашкой по всей периферии этого огорода и таким способом достигают необходимых им результатов. Грядка поднялась и тут же на всех посмотрела целиком и полностью, переводя ремонтные наборы, прямо-таки растранивая их, двигаясь свежесозранным скольжением по производству псевдоподий.

Огурцы плавали в невесомости, переворачиваясь на брюшке и начиная вертеть лапками, практически как тараканы да настолько дюже, что происходили повсеместно целые неконтролируемые землетрясения. Преобразовалась Земля. И в этот самый миг было извещение только для взгляда Чьяддры Синелиуса: полился слегка сладковатый свинцовый грибной дождик, смешивающийся с листьями, словно местами поднимался смерчок подстановки, установки и обстановки, только вот абсолютно нежданно. Это неожиданное, равно как и ожидаемое всенепременно оказывалось земной поверхностью. Действительно, как все уже, наверное, догадались, всё дело было живущих внутри Чьяддры числах кристальной переработки.

Единственным выходом борьбы с теми людьми, что в безумии тянули росистые тонкие телепатические синтетические волосы волокон, было слежение, когда же очередной телекинетический край покажется из своего плотного похода вглубь, чтобы отправить в свободный полет очередное алиби, снять математически выверенные игру в науку, покрасить метки указателей и окно уха прослушивания у Синелиуса, который всё еще активен, и не просто активен и практичен, и не просто гиперактивен, а сверхгиперактивен. Пока еще Чьяддра не сумел ни номинироваться и ни замаскироваться. Лучшим свидетельством в этом деле были морские дьяволы Нептуна и грифоны, окружившие окраину города просто вилами для собирания истоков Вселенной.

Стоило экзорцисту лишь отойти на миг, как вокруг появились Нептун и его наливные кораллы, усеянные турмалинами, раздался звук храпа, носящегося эквилибристическим шершнем с упорством наступательных шагов вратарей. Мне показалось, что едва стоило ему очнуться сразу, как начал появляться через скрежеты металла конструктор стражника, уравновешенный на многотонных весах, воскликнувший, словно бы обращаясь к окружающему, а в особенности, к летающим огурцам: “Летите, голуби!” Действительно, огурцы плавали в воздухе эдаким желудком путника-странника.

Прошел еще один очередной дождь, оросив плодородные земли желудка. Огурцы лопнули, насекомые полипами выпрыгнули из них за пределы антигравитационного хранителя. Чьяддра проник к себе

исподтишка, выбирая путь бескрайних бесконечных далей за пределами карты спутника. Предстояло выдержать весь целый день еще одной битвы с главным врагом экзорциста - электроприбором, бывшим к тому же энергороботом. Он подписывался, подглядывал и юлил, ища раздолья, засыпал и просыпался, окатывая врага бриллиантами хризантем под соусом. Электроприбор был стабилизирован линиями естественного большинства, точно планирующий с ветки на ветку желудь.

Внезапно и неожиданно Чьяддра Синелиус понял: возбудить волны возможно антиотражением себя, однако же оттого, что силы неравны, дар победы даже при самом лучшем раскладе никому не достанется. Он перевел фокус сознание на собственные антиотражения, тогда увидел себя так, словно это был вовсе не Чьяддра. В этот момент спасённый от заогуречивания, хоть и сложенный напополам серединка наполовинку благодарный посетитель наподжал в направлении наилучшей и наиувереннейшей природы. Сначала у него принялись искажаться танцы, страницы, мишуристые предметы новогодних сказок - все они были практически лишены своей исключительности обмена по поводу полноразмерного заогуренивания или энергороботизации в пользу высококачественного изгнания экзорцистом двухсторонних решений неодинаковости в четырёх алхимических ритуалах человека.

Так кончился день. Чьяддра растворился в мире вплоть до очередных снов изгнания проникших сущностей. Он же тоже всего лишь автомат, срабатывающий по триггеру. Защитный.

*Белоусов Роман,
21 мая 2012 года*